

Ступины приехали в Ставрополь из Царевщины. Отец Вали, окончив два института — педагогический и лесного хозяйства — посвятил себя лесу. Однажды в дом на берегу Волги, где они жили, нарочный привез письмо: Сергею Михайловичу предписывалось срочно принять ставропольское лесничество. Вслед за ним переехала и семья.

Дом, в котором они жили в Ставрополе, стоял на углу Первомайской и Красноармейской. Дом необыкновенный, основательный, исключительной планировки, с высокими потолками, огромной открытой террасой, выходящей в красивый сад. «Когда переносили дом, удивлялись: у кого-то все гнилушки — а тут тяжеленные бревна, засмоленные и аж звенят, — вспоминают старожилы. — И что еще характерно, у них были очень красивые стекла — во всем Ставрополе таких не было. Резные и цветные».

Кроме Вали, детей было двое. Старший, Анатолий, родился в 1910-м, Николай — в 1922-м. По ставропольским меркам, семья жила в достатке. В доме младшего брата Николая Сергеевича осталось кое-что из семейной, еще до революционной родительской утвари: столик, тумбочка, комод, сундук, буфет, настенные часы. «Хорошо жили, — вспоминает Ступин. — Но все пошло прахом после смерти отца в голодном 1933-м. Помню, трюмо было большое-большое, и вот мать его за полпуда ржаной муки поменяла»...

Отец ушел, оставив на ставропольской земле вечную память — леса: вдоль трассы из Портпоселка в Соцгород по сей день сдерживают натиск ветра посаженные им дубы...

После смерти отца Анатолий забрал тринадцатилетнюю сестренку к себе в Самару. «Валя была крепкого телосложения, быстрая, находчивая и изобретательная. Любила петь, — вспоминал брат. — Ее необыкновенно душевный голос часто слышался в нашем доме. Пианино невероятно трудно было купить, а я по случаю купил фисгармонию». Там, в Самаре, девочка впервые прикоснулась к «воздуху». «Я этот момент прозевал. Я был далек от мысли, что моя сестра всерьез увлечется воздухоплаванием. Какова же была моя боль, жалость и огорчение, когда я узнал, что денежки, которые ей давали на завтраки, она не тратила, в копила на шлем, «какие носят летчики»... А через несколько дней узнал, что Валя через весь город ходит пешком на аэродром, занимается парашютным спортом и ухаживает за самолетами. Авиация для Вали была не увлечением, как я думал, а призванием, и она была верна этому призванию до конца своей коротенькой, но яркой, звездной жизни».

Шлем, «какие носят летчики», купленный братом в самарском военторге, «приехал» и в Ставрополь. Говорят, Валя с ним не расставалась до окончания школы. Ольга Елинина, одноклассница Ступиной, рассказывала следопытам первой школы, как страстно Валя мечтала об авиации: «Помню, как, начертив на доске крыло самолета, Валя рассказывает мальчишкам, какие силы поднимают машину вверх. Как, встав на парту, чтобы быть выше, читала свое любимое стихотворение «Лети мой друг, орел ширококрылый». Любимой песней Ступиной был «Марш авиаторов».

Девочка с мальчишеской стрижкой, прыгающая с высоких трамплинов наравне с пацанами, рассекающая лед Воложки на коньках, вечный участник футбольной и капитан юношеской волейбольной команды... Девочка в шлеме, провозжающая редкие самолеты известным молодежкам, — такой она осталась в памяти ставропольчан. «Авторитет ее был непререкаем, ее любили, узнавали и уважали все, а мальчишки даже боялись, — рас-

Сколько их, ветеранов знаменитого 46-го женского Гвардейского авиационного полка, прозванного немцами «ночными ведьмами», осталось доживать за себя и за фронтовых друзей, не дотянувших до аэродрома? Сколько дотянет до очередного юбилейного Парада Победы? Не знаю. Зато знаю, что память о нашей землячке, штурмане Валентине Ступиной, они берегли до конца дней. Берегли нежно и безоговорочно. Суровые женщины, знавшие цену жизни и смерти. Женщины, которым всегда — и во время, и после войны — было не до досужих разговоров. В отличие от ставропольских «кумушек», у которых были свои представления о роли женщины на войне...

Как могли сберечь память об этой девочке и выпускники, и учителя старшей школы №1, которую окончила Ступина. В 1965 году бывшая Вторая Парковая улица в Старом городе стала носить ее имя. А 6 ноября 1967 года состоялось открытие мемориальной доски на перенесенном из затопленного города доме номер 42 по улице Ступиной. «В этом доме родилась и жила героиня Великой Отечественной войны штурман Валентина Ступина», — гласила надпись.

Именно героиня...

■ Валентина Ступина. Фронтное фото.

«НЕ ДОПЕВ, НЕ ДОЛЮБИВ...»

■ Валя с братом Анатолием.

сказывали одноклассники. — Любила читать Горького, Джека Лондона, Маяковского, Есенина, Гейне. Она как-то очень активно жила...»

«Всегда поет, всегда с подругами. Да, Валя действительно любила жизнь», — это уже из воспоминаний мамы, Пелагеи Андреевны.

В выпуске 1937 года, в который попала Ступина, было 14 человек. Пятеро не вернулись с войны. Она и здесь оказалась единственной девчонкой среди парней...

Она давно определилась, куда пойдет после школы. Окончив десятилетку с отличием, сразу поступила в Московский авиационный институт. Учеба и летние лагеря почти не оставляли времени на поездки в Ставрополь. Наталья Кравцова, впоследствии однополчанка Вали, Герой Советского Союза, вспоминает ее в те годы веселой, озорной девушкой, увлеченной русскими и цыганскими романсами. «Ваша Валя осталась в моей памяти как удивительно славный человек и цельная натура, — писала она матери. — Никогда ничего не делала напоказ и вообще была человеком большой внутренней культуры».

Они познакомились летом 1941-го: студенты МАИ два месяца копали оборонительные полосы и противотанковые рвы под Брянском и Орлом. Обе, как и все тогда,

думали, что шапками закидают проклятого фашиста, что все это скоро кончится.

Второй эпизод — встреча с Валей в институтском комитете комсомола в начале октября: обе получали рекомендации в женский авиационный полк, который на базе У-2 формировала легендарная Марина Раскова, получившая в 1938-м звание Героя Советского Союза за знаменитый перелет на самолете «Родина» из Москвы во Владивосток (на заявлении Ступиной Раскова собственноручно написала: «Просьбу удовлетворить»). «Мама, я добровольно вступила в женский авиационный батальон», — сообщила Валя матери.

Уму непостижимо, но девчата действительно рвались в этот полк. «Летать на У-2, этой замечательной машине, непосредственно участвовать в разгроме вра-

га. Конечно, я буду проситься именно в этот полк... — писала в своих мемуарах «Тюльпаны с космодрома» И. Стражева. — Тут же позвонила двум своим летным подругам, Вале Ступиной и Инне Комаровой. «А что будет с твоей десятилетней дочкой? — спросила Валя... Сиху и плачу...»

Женский полк, в который попала Валентина Ступина, начал воевать в Донбассе и летел до Германии. «Огненные брызги зенитных взрывов, каждая искра которых несла смерть. Разноцветные треки трассирующих пуль. Тугой, как резина, ветер, то почти ощутимой преградой встающий на пути к цели, то словно невидимый добрый дух, быстрее несущий твой самолет к родному аэродрому, где его обязательно встретит мудрая и спокойная Евдокия Давыдовна, товарищ Бершанская, наш командир полка», — так в своей книге «Боевые подруги мои» описывала фронтовые ночи однополчанка Ступиной, Герой Советского Союза Мария Чечнева.

Бершанская, навестившая Пелагею Андреевну после войны, так характеризовала Валю: «С мая 1942-го по август 1943-го воевала с нами эта волжанка. Очень умная, целеустремленная девушка. Прекрасный человек, знающий штурман. Совершила около 15 боевых вылетов. Среди первых десяти на-

ражденных медалью «За отвагу» была Валя. За большие организаторские способности была назначена начальником связи полка... Валя не сразу согласилась на эту работу — очень хотела летать, но приказ есть приказ. Отлично справлялась. Тяжелобольная, она не хотела уезжать в госпиталь, боясь отстать от своего полка. Очень жаль Валу. Ушел из жизни прекрасный человек, не дожив, не допев, не долюбив»...

«По-моему, было бы хорошо, если бы я осталась в армии. В армии я буду летать — то, к чему я стремлюсь», — писала Валя матери 30 мая 1943-го в ожидании медицинского комиссии.

Умерла она на рассвете 22 августа 1943-го, накануне переломного разгрома гитлеровцев под Курском. Похоронена в Ессентуках, где лечилась в госпитале. По воспоминаниям брата, в Моршанске, где тогда служил, он получил письмо от подруги Вали о том, что в одном из полетов сестру ранило.

По другой версии, она заболела — во всяком случае, о ранении из однополчанок упоминала только одна. «Она должна была умереть. Валя Ступина. Наша Валуша, певунья, любимица, последние дни она совсем была плоха. Ничего похожего на прежнюю веселую, задористую Вальку, курносую, ясноглазую. Ей долго пришлось мучиться после ранения», — писала Наталья Кравцова в своих «Повестях» (изд. «Подвиг», «Советская Россия», 1990 год).

От ранения или от болезни — какое это имеет значение? Причина смерти — война. На сто процентов прав начальник архива госпиталя, написавший в письме в школьный клуб «Память»: «Правильно будет говорить, что Валентина Ступина погибла, так как на войне погибали не только от пуль и взрывов, но и от болезни, от изнурительного труда, от холода и других бедствий военного времени»...

Хоронили Валу всем полком, со всеми воинскими почестями. Вызванная телеграммой мать не успела на похороны, но Бершанская встретила ее с поезда и лично отвезла на кладбище. Домой Пелагея Андреевна вернулась на военном самолете: подбросили летчики соседнего штурмового полка.

Что могла пожелать комполка на прощание? Нетрудно догадаться. Так уж повелось в нашей стране — желать женщинам мужества.